

ГОРЬКИЙ И ТЕАТР

М. Советское искусство. 21/IX 32г.
Горький «сошел» публику. Так
называют его выступления в
наем на нем коллег Н. К. Михайлов-
ский. На сером, унылом, безрадостном
фоне конца «восемидесятых», начала
90-х годов появление Горького уло-
вилось внезапно вошедшей ра-
кетой.

В эпоху ополчения и упадка, в эпо-
ху политической реакции, интеллигент-
но существует рабочего класса в том
смысле и значении, как на Западе? И
меньше чем через два года тот же
министр финансов в столь же секрет-
ном порядке сообщает губернаторам:

— Скажите, — говорил Горький в
ответ на этот вопрос, — что первым
учителем Горького был солдат-поляр
Смурин, вторым — адвокат Ланси,
третьим — Александр Кавказский, «ис-
ключенный из общества», а четвер-
тым — Корольков.

Солдат-поляр Смурин и Корольков —
здесь, в этом узле противоречий доста-
точно образно, достаточно ярко пере-
плелись характерные для фигуры мо-
лодого Горького черты. Солдат-поляр
Смурин и Корольков — дух народных
нравов и неограниченная культура интел-
лигентской общественно-литературной
мысли. «Все эти Чеканы, Обедки,
Кувалды, Кубари, Ташы, Пидлы, — жа-
лдуются степенно-либеральным «Вестник
Европы», — пришли к Горьким и без
всякого смущения расселись в гости-
ных и кабинетах «мыслящих» и «чи-
тающих» интеллигентов, ни мало не
заботясь о привнесении с собой запаха
грубой и винного перегара.

Да, пришли и расселись. Ибо в «гос-
тиных и кабинетах» можно было от-
вернуться от солдата-поляра Смурин,
от Чекана, Обедки и Кувалды, но
нельзя было отвернуться «спасателя» Ко-
ролькова. Нельзя было уйти от обаяния
огромного художественного таланта
Горького, напоминавшего во многом
лучшие образцы русской художествен-
ной литературы, и в то же время так
далекого от них своими Кубарями, Та-
шями и Пидлами.

Горький первого романтического
периода своего творчества определял
своих мыслей и чувств, красок
и форм к середине 90-х годов. Это
было время, когда переход от России
помощно дворянской к России бур-
жуазно-городской, буржуазно-промы-
шленной становился все заметней и за-
метней. Достаточно окрещая русская
промышленность начинала процесс про-
теста своей национализации, своего осва-
живания от иностранного капитала.
Все речью обозначало и классовое про-
тивостояние пролетариата, голое кото-
рое звучало уже достаточно мощно и
организованно. Еще в 1895 году ми-
нистр финансов в секретном циркуля-
ре фабричным инспекторам самоуверен-
но-тупо писал: «В России, к счастью,

лесной от всяких тревожных жизни
наскок. Насколько это фантасма было
не так, как раз и доказывали те «стре-
вования», которыми преспокойно за-
срадала пресса при приближении к их
«врагу» бескомпромиссных героев Горького.

«Его вспоминают, — остроумно заме-
чал Амфиитеатр, — кетати и некетати.
Назвать человека о русском великане
в Берлине, войне с Японией, о торго-
вом крахмале, а свидетелю к брачному
слову о Горьком. Даже более умный
и вдумчивый Н. К. Михайловский и
тот не мог простить Горькому «под-
черкнутости», «сметательства» автора.
«Читая «На дне», — говорит Михай-
ловский, — я с некоторым недоуме-
нием останавливался на одной из автор-
ских ремарок. Описывается обстановка
гретого акта: «Плутарх, засоренный
разным хламом и заросшее бурьяном
дверное место» и т. д. И в конце: «на
бровне сидят рядом Наташа и Настя.

Максим Горький. 1902 г.

«Мещане» — Безземелов — Лунский, Елена — Ниипер, Татьяна — Литовцева, Тереза — Баранов, Петр — Харламов

бульварным Понсон-де-Терраем. А
Смурин в этой ненависти к Горько-
му договаривался даже до того, что
Мерон Горького не люди, а черт.

Особую страстность отличалась
(вплоть до понятия) нападки на Горького
за его публицистические опыты и вы-
ступления, подчеркивая идеологию
идеологическую сущность его произведе-
ний и нераздельно с ними слятые в один
клубок мировоззрения, и при этом ми-
ровоззрения столь далекого и противо-
положного кодексу охранителей «до-
брых нравов», не допуская смеще-
ния публицистики и художественного
слова и понимая искусство, как да-

Горький — пролетарский писатель

Горькому таким образом не проща-
ется именно то, что Ленин считал не-
отъемлемой сущностью подлинного ис-
кусства — его «партийность», его клас-
совая направленность, его обществен-
но-политическая заостренность, то, что
делало Горького, в противовес тради-
ции буржуазной сообразительной эсте-
тики, пролетарским писателем, проле-
тарским драматургом. И. Плеханов уло-
в в это время развивал по отношению
к Горькому свою меньшевистскую по-
зицию ревкого противопоставления ху-
дожественно-образного и научно-логи-
ческого мышления. «Понять марксиз-
ма», — вразумлял Плеханов Горько-
го, — вообще полезно и приятно. А
Горькому понимание его принесет еще
и ту немалую пользу, что его ста-
нет ясно, как мало годится роль про-
летарского писателя, который много
преимущественно языком логики, для

художника, т. е. для человека, гово-
рящего преимущественно языком обра-
зов. И когда Горький убедится в этом,
он будет спасен». Горький не выло
увещания Плеханова, не «убеждался» в
этом, а продолжал думать, что язык
образов не исключает языка логики и
что роль классового пролетарского об-
щественного художника, если он хо-
чет творить его творчество, не только
созерцать жизнь, но и возмущаться
и изменять ее к лучшему. Под развер-
нутым фронтом травля Горького, за клас-
сово-политическую направленность его
искусства Плеханов позволял таким
образом фундаментально-сообра-
тельную меньшевистской эстетики,
практически обнаруживая ее буржуаз-
но-классовое содержание и оппорту-
нистическое понимание марксизма.

И только Ленин решительно и безо-
воротно формулирует: «Горький безо-
условно крупнейший представитель про-
летарского искусства, который много
для него сделал и еще больше может
сделать».

«На дне»
Первый романтический период твор-
чества Горького заканчивается пьесой
«На дне» (1902 г.). Здесь уже несто-
ит переносить ленинскую. Пройден
путь от марко-индивидуалистического
протеста против общества. Названа бу-
дущая философия Гришки Орлова — «раз-
обрать все земное в пыль». В ней нет
спасения. Не она решает ту правду,
которую так страстно ищет Горький.
Не она утверждает жизнь.

«Какая правда? — истопленно кри-
чит один из персонажей «Дна», слесарь
Клеп. — Где правда? Работы нет, сна
нет... Вот правда! Пристань! Пристань!
Нет. Идти надо!.. Вот она, пра-
ва! Дьявол! На что мне она... пра-
ва!»

И в ответ на эти вопли автор пово-
дит к обитателям «дна» лукаво-хитро-
го старика-странника Луку, предла-
живая «своиматому делу обмана».

«Во что верить, то и есть», — вот
философия Луки. Проститутка Настя,
капиталистический романс, мечтает о пра-
вде, любит Раду-Гастона. Обита-
тели подымают длинную смену над
ней. И только Лука несет ей утешение.
«Я знаю, и верю! Твоя правда, а не
ихняя. Коли ты веришь, была у тебя
настоящая любовь... значит была она!
В лаковых сапогах, говоришь, ходил?
а-й-ай! Ну и ты его тоже любила?»
«Ты почтале напомяни ему, что он
хороший парень», — говорит Лука
Клепу, советуя ей выйти замуж за Ва-
шу Пешла, — чтобы он, а значит, не за-

«На дне» и царская цензура
На подступах к 1905 году и в связи
с фигурой автора этого было, конечно,
более, чем достаточно, чтобы царская
цензура по началу решительно запрети-
ла «На дне». «Принимая», — расска-
зывает В. И. Немирович-Данченко, —
охладе в Петербурге, оставаясь чуть не
на каждую фразу, скупая сердце
делая уступки и в конце концов до-
бившись разрешения только для одного
Художественного театра. От ряда бесед
с тогдашним начальником главного
управления по делам печати проф. Зве-
ревым у меня осталось впечатление,
что пьеса была разрешена только по-
тому, что власти думали, что она на
сцене потеряет репутацию провала.

Цензор, читавший «На дне», так
соргогорывал о пьесе по извлекству:
«Нельзя пьеса Горького может быть
разрешена и представлению только о
всех главных исключительными и
некоторыми изменениями. Безусловно
необходимо городского Медведева пре-
вратить в простого оставшего солдата,
как как участие «политического чина»
во многих проделках ночлежников недо-
пустимо на сцене. В значительном со-
кращении нуждается конец II акта, где
следует опустить из увещания к смер-
ти захотной жены Клепа грубые
разговоры, происходящие после ее кон-
чины. Значительные сокращения
требуют беседы странника, в которых име-
ются неудобные рассуждения о боге,
будущей жизни, лжи и пр. Наконец
все пьесе должны быть исключены
фразы и резкие грубые выражения, за
которые во всех своих произведениях
исключается Горький».

«Спасатель», — вспоминает К. С. Ста-
ниславский, — выск прыгающий уло-
в. Вызывали без конца режиссеров,
всех артистов и особенно великолени-
ко Луку-Мокшина, прехвосходного Ва-
рона-Качалова, Настя-Киншер, Луку-
Красова, Вишневого, Бурладалова и, на-
конец, — самого Горького.

Горький стал героем дня. За ним хо-
дили по улицам, в театре собиралась
голла мазевших поклонников, и осо-
бенно поклонниц; первое время, кон-
фузая своей популярностью, он подхо-
дил к ним, теребя свой рыжий подстри-
женный ус и поминутно поправляя
свои длинные прямые волосы мужес-
твенными пальцами сильной юсти или
вонючая головой, чтобы отбросить
увидя на лоб пряди. При этом Алек-
сей Максимович вытарахивал, раскрывал
ноздри и горбился от смущения. «Враги»,
как обращался он к поклонникам,
выползайте улизывать — эдак, то-
вот, нужно как-то право, честное сло-
во. Что же на меня глядите? Я не
пенина... не багряница... Вот история-то
какая... Ну, вот, ей боту, честное сло-
во...»

«Чаяния и предвидения царской цен-
зуры, что «На дне» обязательно про-
валятся и тем изобавит цензуру от хлоп-
от, никак не обидясь. Пьеса прини-
малась публикой, — рассказывает
историк Художественного театра Н. В.
Ффрос, — как пьеса-буревестник. Она
была воюющим предшественником бурь и
вызывала к этим бурям. Пьеса предвеща-
ла и звала не определенными словами,
но тем, что можно было назвать «ган-
гадией». Предвещала и звала всею сво-
ею совокупностью, сокрытым в ней,
по неудержимо пробивавшимся обилим
духом. На это не могло не быть откли-
ка — и самого горячего, востановяно-
го».

Уже на второй год постановки «На
дне» в отходила в 1903 году, истер-
гический традиционализм Клейменов
бурский, традиционализм Клейменов
«хотел» к министру внутренних дел
о докладной запиской, в которой пи-
шет:

«В последнее время в периодической
печати появляются корреспонденции,
указывающие на развитие в столице
преступности со стороны особого клас-
са людей, группирующихся иногда в
шайки и свободно преле-дущих на
улицам и других общественных местах
бесчинства и совершая над прохожя-
щими, причем особенно эти вышестра-
иваются подробностями преступных со-
бытий, фактическая сторона которых
извращается до неузнаваемости. Самые
отдельные случаи бесчинств тенденци-
озно мусурируются газетными репорта-
рами и обобщаются в заявления, угро-
жающие общественному спокойствию
населения. Такие сообщения не могут
не оставлять известного впечатления и
поворачивать внимание широких мас-
телей. В то же время в театральной
сцене идет и пользуется большим успе-
хом также пьеса, как «На дне», «На
дне», в которых автор, рисуя жизнь
обитателей общества, самыми густыми
красками стремится обнаруживать и по-
казывать обществу внутренний смысл —
душу этого порочного элемента, выста-
вляя неголея и тундлей в ролях ге-
роини и удульцов». Клейменов требует
«соосприжения постановок на театраль-
ных сценах пьес, в которых реальная
жизнь пролетариата освещается и де-
монстрируется в соблазнительном ви-
де».

Министр внутренних дел изволил
взять глазу изданного рациональ-
ности, в результате чего последовал при-
каз: «По возможности не разрешать
пальничного появления на сцене пьесы
«На дне»».

«Мещане»
Пьеса писалась одновременно о
«Дно», хоть и появилась на сцене
позднеем раньше его. «Даже когда мы
начали репетировать «Мещане», — вспо-
минает В. И. Немирович-Данченко, —
Горький мало интересовался постанов-
кой, занятый слушающей пьесой. Эта
следующая «На дне» — была на-
писана даже до того, как «Мещане»
вышли на сцену».

«Мещане» — первая из пьес «ин-
теллигентских» (первое, антиинтелли-
гентское) пьес Горького. Подвела итог
романтизму босска, с его философи-
ей «жизнь узка, а я — широк» и поему
созрабрит бы все землю в пыль». Горький
обращается к антиподу этой философии,
к рационализму и общественно-
практическому современному
ему русской интеллигенции, поколению
восемидесятников, поколению чехов-
ских умных людей, поколению мораль-
ных «мещан». Чувство ненависти к
этим «мещанам», столь далеким и от
«безумства храбрых» и от «взлетов в
небеса», к мучному, размерному су-
ществованию чеховских Ивановых, без
веры, без воли, без желания, выплыва-
ющих, алягушачьих и разочарованных,
внушает Горькому почти физическую
боль».

Очень верную характеристику оме-
щанщины пласов русской интелли-
генции и анализ отношения к ним
Горького дает В. В. Воронский.
«В 1880-х годах Луки Вышестра-
Маркс делает замечание, что все вели-
кие события повторяются дважды: один
раз в трагической форме, другой раз
— в комической, один раз как крупное

«Васса Мелезов» в театре Незлобина 1910—11 гг.

историческое явление, другой раз как
вероятно. «Это замечание», — говорит
Воронский, — вполне применимо и к
нашим «идеалистическим либералам».
«Мещанам» интеллигенция сыграла
когда-то блестящую величественную
роль в истории русского общества. Но,
чтобы разве отметить все величие это-
го прошлого, история повторила его
в карикатурном виде, создав малень-
ких людей, бесчеловечно мещущих «ме-
жду вечными критериями истины, кра-
соты, справедливости» и приращением
голосов в пользу конституционно-демо-
кратической партии, между культом
человеческой истины» и любовью «челове-
ческого устройства», предпринятой про-
летариатом. И чем величье это «идеа-
листическое» идеологи мещанского
строга, чем ничтожнее они по сравне-
нию с великими «мещущими» ума-
ми прошлого, тем охотнее ридается они
к постыгим, тем охотнее подготавли-
ют слова, ставшие в их устах фразами,
тем охотнее приспосабливаются к их ро-
ству... От «марксизма» к «идеализму»,
от «идеализма» к «идеалистическому
либерализму», от этого последнего к
смеральной пошлости, т. е. к откровен-
ной защите интересов капитала — вот
тот путь, который в короткий проме-
жуток проделала эта часть интеллиген-
ции».

В ряде пьес, начиная с «Мещан», —
«Дачники» (1904 г.), «Дети солнца»
(1905 г.), «Варвары» (1906 г.) и др. —
Горький бросает ялые слова обвинения
этим мелкобуржуазным группам, опи-
равшими лезею на рашнее благо-
получие буржуазии, поколению «гра-
ждане», в отношении которых слова «че-
ловек» никак не звучит гордо. «Пока
я жив», — говорит Влас в «Дачниках»,
я буду веетра прыгать с вас лохмотья,
которыми вы прикрываете вашу ложь,
вашу пошлость, ничтогу ваших чувств
и разврат мысли».

Горький видит, как резко пути опу-
стившей интеллигенции не только
расходится с поисками той правды, но-
сителем которой является пролетариат,
но и вредит ей, помогая угнетению и
вабале масс. Горький бичует интелли-
генцию за то, что, пока она «благоче-
любиво» мечтает о прекрасном буду-
щем и «идет к солнцу», рядом про-
мышленный городок гниет в невеже-
стве и устраивает хомерий бунт. Он
испытывает сварварам режиссеров, при-
скавших в захолустный уезд строить
железную дорогу и принесших туда с
собой карты, пива, куртки, раз-
рат. «Странно много лжи в наших
разговорах! — кается героиня «Дачни-
ков» Варвара Михайловна. — Чтобы
скрыть друг от друга духовную нищету,
мы одеваемся в красивые фразы, в
дешевые лохмотья книжной мудрости...
Мы — дачники в красивой стране... ка-
кие прозябле люди. Мы дуемтемя,
ярем в жизни удобных мест... мы ни-
чего не делаем и отравительно много
говорим».

«Я этого порядка не хочу!»
Уже в «Мещане» Горький проти-
вопоставляет этим «летям сонца» и «дла-
никам» другую силу. «Жизнь не вся
за нами!» — говорит машинист Нил. —
Они проидут, исчезнут, как исчезают
нарыны на здоровом теле. Нет такого
распущенного движения, которое бы не
изменялось». В Ниле, если хотите, еще
достаточно крепки нотки анархо-роман-
тических прорывов. Но звучит они уже
весь как-то по-иному. В них уже скре-
пелось стремление к сумам мажорных то-
нов, та уверенность жизнерадостности,
который огромный источник бодрости, кото-
рый характерен для мировоззрения
пролетариата хотя бы и на очень еще
ранней стадии формирования его ху-
дожественного образа. «Я ставлю жизнь
ответить так, как захочу!» — уверяет
Нил. — Я знаю, что жизнь тяжела, что
любой она смертельно жестока, что
разрушительная, тупой силой жмет и да-
вит человека, я знаю это — и это мне
не нравится, возмущает меня. Я этого
порядка не хочу! Я знаю, что жизнь
серьезное, не устроенное... что она
потребует для своего устройства все
силы и способности мои. Я знаю и то,

нед бы в политическом смысле и са-
мым списатель, но тут примыкает
один эпизод, который тут же сорвал
глаз на несколько лет возможность по-
казывать такого блестящего драматурга
театральной публике. Дело было так:
Незадолго до представления «Мещан»
Алексей Максимович был избран по-
четным академиком и уже был изве-
стен об этом поприщи. Известие было
об этом новом избрании и другие по-
четные академики, среди которых на-
ходились: Корольков, Боборыкин, По-
шин, Чехов. Вдруг стало известно, что
президент Академии великий князь
Константин Константинович вычеркнул
из числа членов Академии имя Максима
Горького. Это известие, конечно, про-
шло очень быстро во все круги мо-
лодежи, востановило их, и в политиче-
ских «сферах» появились слухи, «что
во время представления «Мещан» и
Художественном театре будут устраи-
ваться демонстрации, выражающие не-
любовь к выводу. Тогда министр внут-
ренних дел Сигалин, ничтоже сумняше-
го, запретил постановку «Мещан». Мы на-
чали хохотать, спорить, бороться».

«Обещав высту-
пание против
постановки «Бесс», — писала Горько-
му группа рабочих-учащихся (№ 23 «За
правду»), — мы искренне присоедини-
емся к вашему протесту. Под влияем
слухания искусства постоно проло-
дывать мракобесие, постоно служить
реакции. Пусть на это льют помоч все
его утраты настоящего идеологиче-
ского, все изгнанные приближением
сближающейся демократии. Грыз, брыз-
жающая от писаний литераторов на
«Бирюжков», не заимает пролетариату
по пьеса — нова нзов — перед лицом
пробуждающегося рабочего класса...»

«Пусть никого из рабочих не сму-
тит», — писало другое письмо (членов
Общества «Образования за Московскую
гаванью № 23 «За правду») — «во-
обще недопустимо писательство буржу-
азии... Наш голос слаб, но мы вместе с
Максимом Горьким протестуем против
проведения в театре мракобесия, хотя
бы и талантливого. Все демократы дол-
жны выступить против филархов бур-
жуазии, вроде Солугуба, и встать на
защиту честного мужественного порыва
М. Горького».

Редкая «За правду» вполне пра-
вильно подняла весь этот спор на по-
литическую высоту и, подытоживая его,
писала:

«На вопросе о Достоевском столкну-
лись два мира. Пролетарский мир в
лице Максима Горького выступил про-
тив соглашения с реакцией, против
антисоциализма, против неблагодарства
человеческой души. И против него дру-
гой мир, готовый общаться с о реак-
цией и с антисоциализмом, готовым
продать все благородство души перво-
му, кто пожелает выступить покупате-
лем. На этом примере рабочие должны
учиться подымать те далеко неблизкие
родные повеления, которые обязаны
строиться под пынными фразами о свя-
тости искусства и о истом искусстве».

Выступление Горького имело громад-
ное значение. В улушительной атмосфере
политической реакции и духовного оску-
дения оно прозвучало революцион-
ным призывом. Оно дифференцировало
общественную мысль и ставило ее в
прямую связь с классовыми интереса-
ми. Оно ударяло по одиозному раци-
онализму художественной интелли-
генции с ее идеями бесслассовости и
аполитичности искусства.

Сейчас в совершенно изменившейся
классово-исторической обстановке, ко-
нечно, и сам Художественный театр с
улыбкой благодарности вспоминает этот
урок, данный ему коллегам Горьким.

Недаром К. С. Станиславский в сво-
ей замечательной книге «Моя жизнь и
искусство» говорит, что «главным на-
читателем и создателем общественно-
политической линии в нашем театре

прежде всего строгаише вакал ее в быд А. М. Горький». В этом самом портрете и запретила представляться на сцене. А затем нарисовал такую характеристику: «В этих сценах ярко подчеркивается атра-
«Мещане» — Лунский, Елена — Ниипер, Татьяна — Литовцева, Тереза — Баранов, Петр — Харламов

«На дне» 1902 г. Н. С. Станиславский — Сатин

«Что же, вы стали марксистом?»
«Нельзя мне это, социализм без иде-
ологии для меня непонятен. Не думаю,
чтобы на сознании общности матери-
альных интересов можно было постро-